

СИБИРЬ ГЛАЗАМИ ЙОРДАНА РАДИЧКОВА

Осенью 1963 г. известный болгарский писатель Йордан Радичков (1929–2004) предпринял двухмесячное путешествие по советской Сибири. О своих впечатлениях об этой необычной для того времени поездке он рассказал в своей книге «Неосвященные двory». Это первое произведение писателя в таком жанре. На первых порах после его опубликования в 1966 г. оно, пожалуй, не вызвало таких жарких споров и обсуждений, как многие его рассказы тех лет. Однако и в этой книге Йордан Радичков во многом отходит от традиционных норм жанра путевых заметок, разрабатывает его по-своему настолько, что впоследствии книгу стали называть даже романом-путешествием.

Сибирь поражает воображение писателя своими «неправдоподобностями» самого разного рода и, разумеется, огромными расстояниями, несоразмерными с маленькой Болгарией. Но оказывается, что вопреки разным масштабам, независимо от географических, исторических, социальных и других различий, между громадным миром Сибири и родиной автора существует прочная связь. На необъятных просторах Сибири: в тундре и тайге, на берегах Северного Ледовитого океана и Байкала, в алтайских степях и на алмазных и золотых приисках — везде, где посчастливилось побывать писателю, он увидел людей, близких ему и его соотечественникам по духу, по жизненным идеалам да и по повседневным заботам дома и на работе.

В этой книге Йордан Радичков рассказывает и многое о своей личной жизни, своем «я»¹, тем самым придавая повес-

¹ Жечев Т. Критически погледи. София, 1971. С. 195.

твованию ярко выраженный исповедальный характер. В общем, жанр путевых заметок всегда несет на себе отпечаток личности путешественника, но, как правило, без проникновения в ее внутренний мир. Эта черта гораздо более присуща другому художественно-документальному жанру — мемуарам, воспоминаниям, автобиографиям.

Сибирь Йордан Радичков как бы пропускает через себя, свой личный жизненный опыт, через свою жизнь. В многочисленных и многообразных по своему характеру эссе-отступлениях в книге он обращается к эпизодам своего деревенского детства, рассказывает о своей семье, сыне, проводит параллели с современным бытом сибиряков, их жизненными устоями, внутренним миром, находя во всем этом отличия и в то же время глубинную общность.

Часто какой-либо конкретный случай приводит писателя к заключениям более широкого плана, которые раскрывают читателю жизненное кредо автора. Так, например, после рассуждений о вредности излишнего покровительства взрослых по отношению к детям Йордан Радичков пишет: «Я думаю, что человеку лучше всего вообще жить без покровительства, поскольку тем самым он оскорбляет себя. Чью могучую крышу ищешь ты, слабый человечико? Под чьей крышей стоишь и слушаешь, как падают чужие капли? Разве тебе не тоскливо под чужой капелью и разве ты не чувствуешь, что твои мокрые ноги стынут под покровительством сильных? Мы добровольно принимаем унижение, стоя под чужой крышей, и оскорбляемся, если ее унесет хаосом времени, а наши чувства отправляются на поиски других крыш, пока нам не кивнут из какого-нибудь окошка...

Выходи прямо под дождь, друг! — призывает Йордан Радичков. — Нет ничего лучше, когда по твоим ушам стекает небесная вода, а душе сухо и тепло! Все заслоны и крыши воображаемы» (с. 192).

Путевых заметок болгарских авторов о Советском Союзе много. Однако большинство их — о Москве, Ленинграде, Киеве и других больших городах, крупных промышленных и культурных центрах. Нередки были поездки и в Среднюю

Азию, Армению, Грузию. Акцент в таких книгах приходится чаще всего на культурные достопримечательности, «экзотику» посещаемых мест. Человек, жизненная среда и атмосфера остаются за кадром, в лучшем случае на втором плане, поскольку на это у путешественников, как правило, попросту не хватает времени.

Поездку Йордана Радичкова в Сибирь никак нельзя назвать туристической. По таким дальним и необычным маршрутам до него не проходил ни один болгарский литератор. Йордану Радичкову довелось узнать совсем другую Россию и советскую действительность. Во время его длительного путешествия от бухты Тикси до юга Алтая и от Якутии до Байкала его более всего привлекала «глубинка». А точнее — его влекли к себе «неосвященные» или слабо «освященные» в болгарской литературе дворы, а не крупные города, гидроцентралы и другие грандиозные «стройки социализма», посетить и описать которые (даже при всей их огромной географической отдаленности друг от друга) все-таки было бы много легче. Писателя прежде всего интересуют люди, в том числе живущие далеко от уютных обжитых мест, от европейской цивилизации, многие из которых все еще сохранили в себе «нечто древнее, даже языческое»².

В то же время Йордан Радичков категорически возражает против трактовки заглавия книги как его желания «осветить» темные стороны советской действительности (задние дворы, задворки). Писатель открывает для болгарских читателей необъятный и незнакомый для многих из них мир, чужой и вместе с тем близкий, расширяющий и обогащающий их представление не только о России, но и о себе, своей стране. «Путешествие — это очень хорошее дело, — считает Йордан Радичков, — человек с других вершин, издали видит и себя, и свои творения, и страну, и свой народ несколько иначе».³

Россия дала писателю «золотой ключ» от «всех своих дверей», который он использовал в полной мере. И удивительно, как в годы тотальной подозрительности и слежки ему удалось колесить по неизмеримым пространствам Сибири, свободно

² Свиленов А. Събеседници. София, 1975. С. 246.

³ Там же. С. 262.

встречаться и разговаривать с самыми разными людьми в сопровождении единственного спутника и друга ученого-литературоведа Георгия Гачева (Гени — так его звал писатель), о котором Йордан Радичков отзывается в книге с теплотой и признательностью.

Разумеется, внимание путешественника привлекают и богатейшие недра Сибири. Он побывал на золотых и алмазных приисках, на разработках слюды, которые произвели на него должное впечатление. Однако описание их в книге занимает не так много места. И здесь главное для писателя — люди, их умение выжить в непростых климатических и бытовых условиях, их терпение и стойкость в противостоянии житейским невзгодам, в сохранении при этом высоких нравственных норм.

Существенно, что в то время, когда в Болгарии царили утвержденные стереотипы в представлениях о Советском Союзе, автор воспользовался представившейся ему возможностью и описал сибирские просторы так ярко, живо и, главное, правдиво, без излишнего пафоса и без прикрас, как едва ли удавалось кому-либо из болгар до него. В повествовании нет недосказанностей, читателю нет нужды искать что-то между строк, в подтексте. Оно по-радичковски метафорично, ассоциативно, порой иронично, но свободно и откровенно. «Я не буду ни хвалить Россию, ни клеветать на нее», — пишет автор (с. 244). Открывая для себя Русский Север, рассказывая об экзотических для него местах, о населяющих их народах со своим жизненным укладом, нравами, культурой, а также о простых людях-тружениках на полях, фермах, охотничьих угодьях, на разработках золота, алмазов, слюды, в суровом Заполярье, Йордан Радичков прежде всего доброжелателен, но и предельно достоверен. При всей своей склонности к «игре пером» в этой книге он старается не отступать от реалий. «Жизнь всегда строже выдумки, — говорит он, — мы перед ней стоим голые, как новобранцы» (с. 5).

С известной самоиронией, с насмешкой над своим бессилием «овладеть словами», чтобы отразить впечатления от необозримой и таинственной страны Сибирь, писатель признается, как трудно ему дались эти путевые заметки. И тем не

менее автор сумел не утонуть в массе житейских эпизодов, встреч с людьми, многообразия их проблем, не ограничиться только добросовестным отражением всего того, что он увидел и узнал. Впечатления служат почвой для размышлений и выводов о внутренней связи между людьми, общности их глобальных целей, интересов, духовной жизни, в каких бы странах и краях земли они ни жили.

Творчество Йордана Радичкова черпает свои соки из истории, быта, фольклора, мифов и легенд его родного края — северо-западной Болгарии. Однако эта региональность во многом внешняя. По справедливому заключению видного болгарского ученого Тончо Жечева, на этом «узком» материале «зидается целая вселенная, многозначная символика общечеловеческих проблем, рожденных в условиях миграции и модернизации жизни вообще...»⁴.

Путешествие по Сибири расширило не только тематический и познавательный диапазон писателя, но и круг его экзистенциальной проблематики. Он столкнулся с громадным и разнообразным миром, на первый взгляд столь непохожим на мир маленькой Болгарии и тем более — его родных мест. Однако путешественник не растерялся и не потерялся в нем. Он вписался в этот мир и смог почувствовать себя в нем своим. Оказалось, что огромные расстояния, особенности северного сурового климата, непривычный быт не препятствуют общности людей в чем-то главном.

Мысленно возвращаясь в годы, проведенные в деревне, вспоминая мать, соседей-крестьян, писатель обнаруживает крепкие нити, связывающие его родину и Сибирь. Разумеется, очень непохож уклад жизни в болгарской деревне и быт якутов в юрте или эвенков в тордохе. Им нелегко поверить, что в Болгарии тепло и летом можно снимать с себя одежду и купаться в море, что там утро предвещают своим криком странные птицы петухи, что у детей розовые щеки (Йордан Радич-

⁴ Жечев Т. От регионального к национальному и общечеловеческому в развитии литературы (на материале болгарской литературы) // Современная болгарская проза и литературы европейских социалистических стран. М., 1985. С. 34.

ков показал друзьям-эвенкам фотографию своих детей на море) и т.д. В рассказы писателя эвенки едва ли поверили. «Я думаю, что наш мир они не поняли, — пишет автор, — или по меньшей мере он им не показался хорошим, потому что всё в нем им незнакомо и потому что в нем нет самого главного — оленей и тундры» (с. 169).

И всё же люди даже таких разных миров находят взаимопонимание, испытывают друг к другу теплые чувства, доверие и интерес. «Я просто не могу себе объяснить, — с удивлением говорит Йордан Радичков, — как с самой первой встречи с эвенками внезапно вырастает странный цветок доверия... Во время своего путешествия я не раз был свидетелем, как высеивался и прорастал этот необыкновенный цветок и ни разу не увидел цветка вражды» (с. 181–182).

Жители Сибири вызывают у автора глубокое уважение. Ведь он не понаслышке, а сам своими глазами видел, сколько мужества и выносливости нужно этим людям, чтобы выжить и жить достойно. Трудности самого разного рода (мир Сибири чрезвычайно разнообразен, места, которые посетил Йордан Радичков, коренным образом отличаются друг от друга по климату, удаленности от промышленных центров, социально-экономическим условиям, национальному составу и менталитету населения) формируют и закаляют характер сибиряка, как правило, сильного и сурового человека, но неизменно дружелюбного к окружающим. Однако автор не создает «суммарного» (характерного для ряда других произведений писателя) образа обитателя Русского Севера. Напротив, в каждом из своих сибирских друзей он увидел запоминающийся и самобытный характер. Русский из Якутии Шамшурин, эвенк Чиряев и его пятилетняя приемная дочка Шура, алтаец Шадрин, бурят шаман с острова Ольхон на Байкале и другие герои книги каждый по-своему представляет свой край, «оживляет» его.

Встречи и беседы с этими интересными людьми помогают писателю приобщиться к новому для него миру непроходимой тайги, снежной пустыни тундры, бескрайних алтайских степей, заполярного Тикси, ощутить близость с ним и его обитателями.

Интересно, что и здесь ему встречаются «чудаки», по сути родные братья болгарским «черказцам» из его же рассказов. С добрым юмором и в присущей ему «разговорной» сказовой манере повествования пересказывает Йордан Радичков несколько комичных и подчас трудно объяснимых эпизодов из будней жителей города Алдана.

«События», скандальные с их точки зрения, становятся предметом оживленных обсуждений и вносят разнообразие в их повседневную жизнь. Например, алданцы возмущены тем, что в городе золотодобытчиков китаец Ли выращивает свиней на продажу. Они даже готовы перерезать их, если власти «не будут достаточно категоричны».

В этом случае всё как бы ясно, хотя и смешно. А вот публичный «расстрел» собственного транзистора одним из жителей, поругавшегося с женой, никто понять не может. При чем тут транзистор? Просто чудак!

Простые люди Сибири, как и радичковские крестьяне-«черказцы», приспосабливаются к жизненным обстоятельствам и при этом нередко пускаются на хитрости. Так, на Тикси, где будто бы царит «сухой закон», бутылки с запрещенным спиртом прячут и переносят в пустых сапогах. Местные жители выдают эту «тайну» автору, которая в общем-то ни для кого и не секрет. В сибиряках писателя привлекают их общительность, готовность поделиться с гостем своими успехами и заботами, рассказать о своей работе, семье, друзьях. Пригласить к себе домой или за стол в ресторане — это для них не официальный ритуал, а укоренившаяся в веках традиция гостеприимства.

Йордан Радичков восхищается русскими переселенцами в Якутии, которые тяжким трудом отвоевывают землю у тайги под посадки капусты и других овощей. Да, картошка в этой холодной земле не растет (пока, говорят они), но капуста удалась на славу. И как горды эти люди своей победой над суровой природой, с какой радостью делятся они этой удачей с гостем из далекой и теплой Болгарии. И надо признать, что капуста произвела на путешественника гораздо большее впечатление, чем слитки золота на алданских приисках.

Многие страницы в книге посвящены разнообразной и богатой природе Сибири. Она поражает автора, привыкшего к масштабам своей страны, к жаркому солнцу в ней, изобилию фруктов, уюту и теплу деревенского быта. Но и в этой беспорядочной непохожести он находит место, напоминающее ему родину, а Геня и случайный их попутчик-молдованин утверждают, что это место совсем как у них — в Подмосковье и в Молдавии. Все трое правы. Путешественникам в чужих краях всегда хочется найти что-то близкое, вызывающее в их памяти Родину. И такие места чаще всего они находят.

Природа Сибири заставляет писателя с удвоенной силой почувствовать и осознать зависимость от нее людей. Используя ее богатства, человек должен знать и уважать ее законы. В то же время ему приходится и бороться с ней, чтобы обеспечить себя пропитанием, чтобы выжить. Охота — одно из первостепенных занятий жителей Сибири. В тайге и тундре она кормит и во многом одевает людей. Здесь она не удовольствие для любителей, а суровая необходимость.

Йордану Радичкову удалось провести некоторое время в тайге. Сам заядлый охотник-любитель, он участвовал там в настоящей охоте на зайцев, уток, правда без особого успеха, о чем повествует с юмором и самоиронией. Тайга, лесные озера, дикие животные — всё это для писателя ново и интересно. Описывая во многом таинственный для него мир, он сочетает бытовые эпизоды из жизни охотников, сцены охоты, зарисовки окружающей сказочной природы, рассказы охотников-якутов и собственные размышления, часто возвращающие его в деревенское прошлое.

Однако такая в общем довольно разнородная картина не производит впечатления хаотичности, поскольку в повествовании не чувствуется зазоров между разными тематическими и содержательными пластами. Так, яркое и рельефное описание диких лошадей — белых и вороных — и жестокой битвы их вожakov непринужденно переходит в рассказ писателя об одном памятном для него случае из детских лет, когда его испугала собака и он потерял на некоторое время дар речи и облел его, только увидев лошадь.

Вкрапление в основной поток сибирских впечатлений событий и переживаний в годы молодости и детства или ассоциативных рассуждений, навеянных путешествием, встречами с интересными людьми накладывает на повествование осязаемый личностный отпечаток. Нередко всё это приводит автора к мыслям, которые ясно обозначают его позиции по некоторым актуальным проблемам современности. Такие отступления-эссе в книге разнообразны как по содержанию, так и по форме. Это могут быть пространные воспоминания, легенды, притчи или просто краткие реплики по поводу какого-либо случая в ходе путешествия. Удивляет при этом свобода перемещения авторской мысли в пространстве и времени, легкость перетекания всего этого пестрого материала от рассуждений философского характера к непосредственным наблюдениям над повседневными проблемами местного населения, к пластическим картинам сибирской природы, к параллелям между жизнью людей в Сибири и Болгарии.

Открывая для себя мир эвенков, заброшенных с снежную пустыню тундры, познавая их быт, обычаи, нравственные нормы, писатель в то же время задается вечными, экзистенциальными вопросами.

«В сущности, кто я? — спрашивает он себя». «Иногда я думал, — пишет он, — что каждый человек как полярная звезда, вокруг которой неизменно вращается его жизнь, его время, его воспоминания, всё его житье-бытье, которое он населяет новыми звездами, а некоторые из старых падают — одни с блеском, другие в темноту и бесшумно; сколько падающих звезд приходится на каждого из нас, таких, которых мы не жалеем, и тогда чувствуем, что наш небосвод становится легче и поднимается вывсь, мы видим, сколько ложных друзей мерцают на нашем небе и постепенно бледнеют... сколько фальшивых хвостатых звезд пролетело мимо нас — этих блуждающих тел человечества, сколько фальшивых чувств, мутных Андромед и пыльных Млечных путей прошли через нас и сколько звезд, покинувших наш мир, продолжают всё еще излучать свой яркий свет и напоминать нам, что мы не одни, и сколько живых звезд обдают нас холодом...» (с. 186–187).

Размышления подобного рода рассеяны по всей книге, но, может быть, именно бескрайняя тундра — примитивный быт ее обитателей, ограниченность их жизни необходимостью повседневной борьбы с жестокой природой за свое существование и в то же время их высокие нравственные качества — честность, трудолюбие, чувство долга и жизненная стойкость — более других мест предрасполагала писателя к ним.

Путешествие оправдало надежды и желания Йордана Радичкова. Ему удалось побывать в тех метях, в которых современная европейская цивилизация еще не смогла полностью одержать верх над завещанными предками национальными традициями, родовой памятью, языческими поверьями, почти мистической близостью к природе. Причем он увидел, что всё это не только сохранилось в религии, поверьях, легендах, но и проявлялось в повседневной жизни.

Например, его очень заинтересовали песни эвенков. Оказалось, что поют все и что сочинять песни для них — это что-то обычное, поскольку эвенк поет о себе и о своей жизни сейчас, обо всем, что он делает, видит, слышит, ощущает... Хором эвенки не поют, каждый сочиняет песню сам и сам ее поет. «Многие, — пишет автор, — пели о Полярной звезде, о рогах оленя, а один эвенк спел о своих мокалинах, которые согревают его ноги... Простые песни, с простыми словами, почти как разговор» (с. 162). Песни и рассказы этих детей холодной земли о каких-то чрезвычайных событиях (хотя, по их мнению, они не такие уж чрезвычайные, ведь чего только не случается постоянно в ледяной тундре) звучат как легенды и притчи.

В Эвенкии, Якутии, Бурятии Йордана Радичкова особенно привлекали именно такие рассказы, на которые он нередко отвечал и своими. Так, бурят шаман на байкальском острове Ольхон рассказал путешественникам притчу о человеке и его доме. И хотя жилище самого шамана, на взгляд писателя, трудно было назвать настоящим домом — это был скорее какой-то старый и разбитый сундук — хозяин заботился о нем, крепил и подмазывал стены, белил их. «Серые дома неприятны солнечному оку», — говорит он (с. 215). Пока жив человек, он держит свой дом. Но есть и «такие странные дома, — продол-

жает свой рассказ шаман, — которые норовят умереть прежде своих хозяев» (с. 215). Да, соглашается болгарский гость, есть и у нас такие, и вспоминает о давнем пожаре в его родном селе, когда по неосторожности одной крестьянки сгорел ее дом и чуть было не сгорели другие дома в селе. И еще один случай, когда ночью вдруг упала стена старого жилища деда и бабушки писателя. И они, как и шаман теперь, сказали: «Плохо, когда дом уходит раньше своих хозяев» (с. 218).

Восприятие автора книги «неосвященных дворов» Сибири, несмотря на его преклонение перед твердостью духа и нестигаемостью сибиряков в непростых условиях севера, в общем трезвое и реалистическое. Например, он, конечно, не мог пройти мимо такой острой и актуальной проблемы, как драматичное столкновение старых и устоявшихся в веках жизненных стереотипов с современной цивилизацией. Эта проблема очень близка Йордану Радичкову как художнику и человеку, выросшему в крестьянской среде, в те годы во многом еще патриархальной. Неудивительно поэтому, что многие страницы книги переносят читателя из далекой Сибири в Болгарию, в родное село писателя, в то время, когда разрушение старых норм жизни происходило на его глазах, приводя нередко к трагическим последствиям.

Не обходит молчанием писатель и серьезные трудности в жизни сибиряков тех лет, связанные с еще не изжитыми последствиями войны, хозяйственной разрухой, миграцией населения и пр. Йордан Радичков не ставил перед собой задачу какого-либо глубокого анализа социального среза Сибири, но и просто не замечать там существенных проблем разного рода он, по-видимому, считал себя не в праве.

Раны войны по прошествии почти двух десятков лет после ее окончания всё еще не были залечены. Йордана Радичкова потрясла судьба алтайских казаков и их семей. С искренним сочувствием передает писатель историю одного старого алтайца, проводившего на войну трех сыновей, двое из которых погибли. Когда в селе стали собирать помощь фронту, он отдал весь мед со своей пасеки и так поступал каждый новый сезон. Третий его сын, к счастью, вернулся живым.

Женщины в алтайских селах, выжившие в страшное военное лихолетье, на своих плечах вынесшие тяготы тыла, на долгие годы или на всю жизнь остались одни — без мужей, братьев, отцов. «Двадцать лет, — пишет автор, — здесь не рождалось детей. А сейчас в казацких селах нет молодежи — только дети и старики» (с. 234).

С особым вниманием и сердечным участием относился Йордан Радичков во время своего путешествия к детям, которые принуждены были делить со взрослыми их нелегкую долю. Искренней теплотой проникнуты страницы, где автор пишет о маленькой ненецкой девочке Шуре, о мальчишке с алмазных приисков, у которого нет игрушек, и он даже не знает, что это такое, считая игрушкой живого щенка.

История Сибири связана не только с переселенцами, с освоением ими ее просторов, ее недр, но и с созданием на ее территории лагерей. Эта болезненная тема так или иначе часто возникала в разговорах путешественников с самыми разными людьми. Уничтожение в 1960-е гг. большей части этих лагерей, разумеется, приветствовалось всеми, однако всё еще живы были в памяти сибиряков воспоминания о них, многие трагические истории, связанные с ними.

Одну из них рассказал сотрудник ледовой разведки Тикси Стручков, который во время войны служил на корабле, ходившем по Северному морскому пути. Однажды ему пришлось использовать нескольких колымских зеков для заготовки икры. После трех дней работы и жизни на корабле, которая была для них «райской», они не хотели возвращаться в лагерь и просили оставить их еще хоть ненадолго. Слезы, проклятия... Стручков не предполагал, что может причинить зекам такие страдания. Больше он никогда, хотя и предоставлялась такая возможность, не прибегал к помощи заключенных. И горькая память об этом случае сохранилась в его сердце навсегда.

Сибирь приняла Йордана Радичкова, и куда бы ни приводили его маршруты путешествия, он нигде не чувствовал себя чужаком. И «чужое», на первый взгляд необычное, непонятное, постепенно становилось «своим». Более того, «свое» через «чужое» виделось яснее.

Йордан Радичков взял с собой в поездку фотографию детей и подаренный ими талисман (игрушечную собачку). Эти бесхитростные символы на протяжении всего пути связывали его с далекой родиной. Фотографию писатель оставил в ненецком жилище тордохе в подарок девочке Шуре, которая теперь в снежной пустыне тундры улыбается его детям, а они ей на берегу теплого моря. Эта фотография стала для эвенкских друзей автора «маленьким окошком в незнакомый им мир и маленькой памятью о случайной встрече между настоящими кочевниками и человеком, в крови которого иногда отзывается кочевник». «Потому что, — напоминает читателю писатель, — мы тоже когда-то были кочевниками, хотя теперь мы только плохие туристы» (с. 198).

В самом начале путешествия Йордан Радичков вдохнул в себя воздух далеких времен земли, сохранившийся в «поющем» льду из шахты в вечной мерзлоте в Якутии, а затем дышал воздухом безбрежной современной Сибири. Он принес его с собой и в родную Болгарию вместе со всем, что он там увидел, услышал, пережил, понял. «Если во время путешествия по Сибири, — признается писатель в конце книги, — я тащил с собой груз моей недолгой жизни и если иногда среди лесов и снегов находил место личным воспоминаниям о моей маленькой стране... то по возвращении я стал тащить груз сибирских впечатлений...» (с. 278). Эти впечатления не только живут в его памяти, они просто «оживают» перед глазами. Стоит ему задуматься, и в его софийской квартире появляются то охотник-якут на таежном озере со своей надувной лодкой, то замерзший во времена Петра I солдат, найденный до приезда автора в Сибирь. «Оживающие» сибирские видения сопровождают его не только дома — в Париже, Каннах, Риме... Воспоминания для него — это как встречи с далекими друзьями. «Когда я слышал где-нибудь в лесу звук топора, рассказывает писатель, и шум падающих деревьев, я вспоминал, как Шамшурин рубил дрова для костра; если я встречал охотников, то вспоминал тайгу; когда ночью смотрел в сторону севера на небо, то видел возле Полярной звезды кожаные юрты охотников и оленеводов и моего эвенка, который разжигает в небе кос-

тер и печет на нем дикую утку, сочиняя при этом простую песню о птице или кружащем вокруг него песце» (с. 280).

Книга Йордана Радичкова «неосвященные дворы» вышла в свет давно (1966), но за прошедшие с тех пор почти четверть десятилетия она не утратила своей ценности. Более того, именно сейчас как никогда ее актуальность, ее подчеркнута гуманистический настрой, стремление сопоставить такие далекие и такие, как оказалось, духовно близкие миры заполняют серьезную лауну в литературах наших стран и во взаимоотношениях наших народов.

РЕЗЮМЕ

СИБИР ПРЕЗ ОЧИТЕ НА ЙОРДАН РАДИЧКОВ

Статията е посветена на нашумялата книга на Йордан Радичков «Неосветени дворове» (1966), която и досега остава непреведена на руски език. Тази творба носи откровено исповеден характер: почти във всяка нейната страница личи присъствие на авторското «аз» на писателя. Сибир с необятните му простори, тундрата, тайгата, крайбрежието на Северния Ледовит океан, езерото Байкал и други екзотични неща не интересуват Радиков сами по себе си — той пречупва всичко видно от него през личния си опит и жизнената си съдба. По тази причина творбата му не може да бъде поставена на едно и също ниво с обикновени туристически очерци. Радичков не го интересуват големите сибирски градове и хидроцентрали, добива на елмазите или някои зашеметяващи «строежи на социализма» — внимание то му е насочено към забравените от Бога места, «мечешки кътове», лишени от всекидневните за нас блага на цивилизацията. При всичко това писателят най-малко се стреми да покаже «тъмните» страни на съветската действителност. Като се обръща към живота и характеристиките на живеещи в такива «мечешки кътове» хора, Радичков ни навежда на извода, че и те с човешките си изяви по нищо не се различават от своите сънародници, обитаващи големите цивилизационни центрове, а също така и от самите българи.